Век аграрных реформ

Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX в.: выбор путей и методов модернизации. — Новосибирск, 2015. — 298 с. ISBN: 978-5-94301-573-1

Н. Г. Кедров

Николай Геннадьевич Кедров, кандидат исторических наук, научный сотрудник Вологодского государственного университета. 160000, Вологодская область, г. Вологда, ул. Ленина, 15. E-mail: nk149@yandex.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-2-142-152

Рецензируемая монография подготовлена коллективом историков Института истории Сибирского отделения РАН (В. М. Рынков, С. Н. Андреенков, И. Б. Карпунина, А. П. Мелентьева) при участии специалистов из других академических центров (Л. Н. Мазур, Уральский государственный университет; Д. Н. Белянин, Кузбасский государственный технический университет; Д. С. Орлов, Алтайская государственная академия образования им. В. М. Шукшина). Идейным вдохновителем этого творческого коллектива, одним из основных авторов и главным редактором книги выступил известный историк-аграрник, доктор исторических наук Владимир Андреевич Ильиных. В монографии на примере Сибири рассматриваются процессы аграрного реформирования в России с конца XIX века по 1990-е годы. Наблюдения и выводы авторов не только характеризуют региональное измерение аграрных реформ, но и отражают осмысление ими проблем общероссийского уровня.

Сама по себе тема реформ (в том числе аграрных) является магистральной в современном отечественном обществознании. Утвердившееся в 1990-е годы восприятие исторических изменений как программируемого, управляемого человеком движения неизбежно фокусировало внимание исследователей на изучении форм и методов такого воздействия. Подогревали этот интерес и политические настроения в стране, поскольку реформы (в противовес революциям) были тогда признаны легитимным инструментом преобразования общественного строя. Повышенное внимание к теме имело ряд концептуальных следствий. Так, изучение многочисленных реформ в России XX века закономерно вело к их сравнению по шкале эффективности. Однако, поскольку критерии успешности исследователи выбирали по своему вкусу, результаты сравнительного анализа получались диаметрально противоположными. Это порою

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-31-01250 «Эволюция российской историографии коллективизации крестьянства».

переводило дискуссию в политическую плоскость, а сами авторы обменивались не столько аргументами, сколько заранее готовыми оценками. Другой существенный момент связан с тем, что анализ реформ как программируемого движения ставил на повестку дня вопрос об упущенных возможностях осуществления иной модели общественного развития. В силу этого поиск так называемых альтернатив стал одной из центральных проблем многих исторических сочинений. Умозрительная природа подобных конструкций также давала ученым почву для реализации своих политических пристрастий. Вместе с тем к настоящему времени существует уже сравнительно большой объем литературы, посвященной обобщению опыта реформ в России XVIII–XX веков. Среди работ на эту тему есть как легковесные поделки, так и исследования, заслуживающие самого серьезного внимания. Пожалуй, наиболее удачным примером исторического изучения опыта отечественных реформаторов в целом является книга петербургских историков «Власть и реформы», давно ставшая классикой жанра[1]. Не были обойдены стороной в научной литературе и аграрные преобразования. В частности, этому аспекту реформ посвящены сочинения Г. И. Шмелева, В.В. и К. В. Милосердовых, С. А. Никольского, А. Н. Медушевского, Н. Л. Рогалиной, М. А. Казьмина[2].

В этом ряду рецензируемая монография отличается некоторыми особенностями. Прежде всего изучение истории аграрных реформ логически отталкивалось от политических дебатов рубежа 1980–1990-х годов о путях дальнейшего развития сельского хозяйства страны. Как справедливо указывают сами авторы, тогда существовало три основные точки зрения: радикально-реформаторская, умеренно-реформаторская и консервативная (с. 91). На похожие сегменты разделялись и мнения участников академических дискуссий[3]. Примечательно, что даже такой объективный и эрудированный историк, как В. П. Данилов, не упускал случая покритиковать потуги реформаторов 1990-х годов[4]. Нашли отражение указанные

1. Власть и реформы (1996). От самодержавной к советской России. СПб.
2. *Шмелев Г.И.* (2000). Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке. М.; *Милосердов В. В., Милосердов К. В.* (2002). Аграрная политика России — XX век. М.; *Никольский С. А.* (2003). Аграрный курс России. Мировоззрение реформаторов и практика аграрных реформ в социально-историческом, экономическом и философском контекстах. М.; *Медушевский А. Н.* (2005). Проекты аграрных реформ в России XVIII — начала XXI века. М.; *Рогалина Н. Л.* (2010). Власть и аграрные реформы в России XX века. М.; *Казьмин М. А.* (2012). Земельные реформы в России (XIX–XX вв.): Уроки пройденного пути. М.
3. Об этом можно судить по обсуждению проблемы коллективизации в отечественной науке. См. об этом: *Мерль Ш.* (1996). Взгляд с Запада на советскую историографию коллективизации сельского хозяйства // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. М. С. 376–378.
4. *Данилов В.П.* (2002). Аграрные реформы и аграрные революции в России (1861–2001) // Россия в XX веке: реформы и революции. Т. 1. М. С. 20–37.

позиции и на страницах книг об аграрных реформах. Так, монография Г. И. Шмелева была построена автором на критике аксиом марксистской политэкономии и, по сути, служила задаче рекламы либеральных принципов хозяйствования. Точка зрения С. А. Никольского предполагала признание необходимости аграрной реформы, но без крайностей и с оглядкой на уже сложившиеся в деревне реалии. Книга В. В. и К. В. Милосердовых содержала своего рода сравнение хоть и обремененного целым рядом очевидных издержек, но все же относительно стабильного советского сельского хозяйства с разрушительной стихией рыночных реформ 1990-х годов. Иными словами, история аграрных реформ некоторыми авторами воспринималась всего лишь как некое теоретическое вступление для понимания актуальных проблем современности. В отличие от этих работ, в книге сибирских историков изучение истории аграрного вопроса является самостоятельной целью исследования.

Еще один момент связан с тем, что обобщающие работы по истории аграрных реформ создавались, как правило, вне категориального и проблемного поля исторической науки. Г. И. Шмелев, В.В. и К. В. Милосердовы рассматривали тему как экономисты. С. А. Никольский был по основной специальности философом-обществоведом, занимавшимся в свое время практикой осуществления реформ. М. А. Казьмин проанализировал аграрные процессы с точки зрения экономической географии. А. Н. Медушевский подготовил во всех отношениях выдающуюся работу, посвященную изучению проектов аграрного реформирования, в основе которой, по нашему мнению, лежит интересный синтез позитивистской традиции историко-правовых исследований и посылок, следующих из кантианской эпистемологии. Пожалуй, единственным профессиональным историком из перечисленных выше авторов является Н. Л. Рогалина, но ее книга — это учебное пособие, и в соответствии с канонами жанра она в большей степени ориентирована на интеграцию уже существующих оценок и мнений в единое проблемное поле, нежели на самостоятельное исследование вопроса. Очевидно, В. А. Ильиных вовремя заметил эту исследовательскую нишу. Рассмотреть тему реформ с позиций классической исторической науки авторам рецензируемой монографии помог региональный подход, который также нужно признать оригинальной особенностью книги. Еще раз заметим, что на примере Сибири авторы рассматривают процессы аграрного развития, характерные для страны в целом, а сама азиатская часть России являлась важнейшим звеном в планах целого ряда российских реформаторов. Важно подчеркнуть, что такой подход позволяет авторам добиться большей конкретизации в понимании предмета исследования, соединить эмпирический и теоретический уровни осмысления темы.

Структурно книга делится на две части. В первой представлена эволюция аграрного вопроса в России, под которым понимается «вопрос о путях и методах модернизации сельского хозяй-

ства, создании условий для его ускорения» (с. 5). Авторы полагают, что впервые аграрный вопрос как особая проблема в жизни страны был осознан государством и обществом лишь в конце XIX века, чему способствовали противоречивые итоги крестьянской реформы 1861 года (с. 9). Главным противоречием было наличие продуцируемых существованием крестьянской общины архаических поземельных отношений и практик повседневной жизни крестьянского социума, сдерживающих развитие сельского хозяйства. Таким образом, в отличие от тематически близкой книги А. Н. Медушевского, в которой аграрный вопрос понимается прежде всего как категория политического сознания и дискурса («новая социально-психологическая реальность», «осознание обществом проблем легитимности существующих прав на владение землей»[5]), в монографии сибирских историков он рассматривается как объективная проблема экономической жизни страны.

Необходимость реформ в аграрной сфере ясно осознавалась частью политической элиты Российской империи. Разработкой принципов этих преобразований занимались сначала Н. Х. Бунге, а затем С. Ю. Витте, однако их усилия тормозились противодействием со стороны консервативной части политического истеблишмента. Толчком для реформ стали «аграрные беспорядки», осуществляемые крестьянами под руководством общины, в период революции 1905–1907 годов. В монографии указывается, что среди целей столыпинской аграрной реформы главной являлась политическая — задача стабилизации существующего политического строя путем создания слоя мелких собственников и снижения градуса социальной напряженности за счет переселения части населения из центральных регионов на малоосвоенные окраинные территории (с. 17). Детальный обзор всех этапов переселенческой политики представлен во второй части книги. Авторы сдержанно оценивают итоги реформы. Отмеченные цели так и не были достигнуты, уровень социальной напряженности на селе за годы реформы еще более возрос. Одной из главных причин этого, по мнению авторов книги, стала позиция самих крестьян, большинство которых отвергали принципы предложенного П. А. Столыпиным проекта решения аграрного вопроса. При первой же возможности, в результате аграрной революции 1917–1921 годов, они дезавуировали результаты реформы. В ходе вспыхнувшей в стране Гражданской войны с позицией крестьянского большинства вынуждены были считаться как красные, так и лидеры антибольшевистских режимов. Крестьянство заставило первых отказаться от осуществления военно-коммунистического эксперимента, а вторых существенно редактировать свои аграрные программы.

В итоге победившие большевики оказались перед лицом тех же проблем, с которыми ранее столкнулось царское правительство.

5. *Медушевский А. Н.* Указ. соч. С. 11.

Проблем было даже больше, поскольку по причине исчезновения помещичьих хозяйств резко сократилась товарность сельского хозяйства. НЭП, по мнению авторов книги, не мог обеспечить экономического развития страны (с. 25–26). Ученые-аграрники 1920-х годов предложили три варианта преодоления сложившихся трудностей. Авторы монографии условно обозначают их как либеральный, неонароднический и марксистский. Либеральный проект предлагал сделать ставку на развитие зажиточных хозяйств путем ликвидации существовавших ограничений. Ученые организационно-производственного направления (неонародники) видели дальнейшее экономическое развитие на основе мелких крестьянских хозяйств путем интеграции их в различные формы кооперации. Марксисты полагали, что будущее советского сельского хозяйства за крупным производством индустриального типа. Упоминают авторы монографии и о так называемой «бухаринской альтернативе», которую на рубеже 1980–1990-х годов В. П. Данилов объявил главной возможностью избежать осуществления сталинской коллективизации. Показательна проведенная В. А. Ильиных работа над дефиницией «историческая альтернатива». Так, В. П. Данилов в ходе одного из заседаний теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития» следующим образом характеризовал это понятие: «Никто в научной литературе не объявлял альтернативой всего лишь намерение, а тем более случайное высказывание того или иного политического деятеля. Речь шла об альтернативах, наличие которых доказывалось анализом реального исторического процесса. При этом было установлено наличие по крайней мере трех обстоятельств: первое — объективных тенденций социально-экономического развития в альтернативном направлении; второе — наличия значительных политических сил, которые ведут борьбу за осуществление этой возможности; и третье — катастрофических последствий, которые были результатами отказа от альтернативного решения возникших проблем»[6]. Во введении к рецензируемой книге термину дается совсем иное определение. «Дефиниция альтернативы имеет три ипостаси: 1) объективно существующая, но, по нашему мнению, непознаваемая возможность иного пути развития; 2) концепция, в которой предлагается иной вариант развития <...>; 3) современная интерпретация альтернативной концепции ее реализации...» (с. 6). Далее В. А. Ильиных уточняет, какая из этих ипостасей принята в качестве рабочего понятия авторами книги. Он пишет: «Предметом исследования настоящей монографии являются базовые, в том числе и альтернативные, концепции, концептуальные модели и программы модернизации аграрного строя...» (с. 6). Благодаря этому определению историк не только переносит основной акцент исследования

6. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке (2015). М. С. 315.

из сферы умозрительных реконструкций на реально существовавшие, а следовательно, исторически верифицируемые проекты. Отнеся даниловское понимание альтернативы к числу непознаваемых сущностей, он решительно отделяет исследование аграрных реформ от изначально далеких от науки задач обличения сталинского политического режима.

Содержащаяся в книге оценка политических взглядов Н. И. Бухарина конца 1920-х годов также принципиально отличается от даниловской. Несмотря на то что Бухарин заимствовал ряд идей А. В. Чаянова о кооперации, он, по мнению авторов, оставался сторонником крупного социалистического хозяйства и административных принципов управления экономикой. Его разногласия с И. В. Сталиным касались не сути преобразования сельского хозяйства, а главным образом методов и темпов этого процесса (с. 33). Кстати, похожую оценку политической программы Бухарина высказывал и другой известный специалист по истории деревни 1920-х годов, С. А. Есиков[7].

В условиях советской общественно-политической системы победить в теоретическом споре могла лишь точка зрения, основанная на непререкаемом авторитете «единственно верного» учения. С конца 1920-х годов дискуссии по вопросу о судьбах сельского хозяйства страны и вовсе стали невозможны, а противники марксистов либо вынуждены были пересмотреть свои взгляды, либо были официально дискредитированы как «вредители». XV съезд ВКП(б) провозгласил курс на коллективизацию. В основу радикальной перестройки аграрной сферы была положена идея замены мелкого крестьянского хозяйства на крупное колхозное и совхозное производство (с. 41). В планах социалистического преобразования марксистские теоретики шли еще дальше. Ими была предложена концепция агропромышленной интеграции сельского хозяйства, предполагавшая создание гигантских агроиндустриальных комбинатов путем объединения в единые хозяйственные комплексы множества предприятий. Применительно к Сибири эти идеи были изложены в «Генеральном плане развития народного хозяйства Сибирского края» 1930 года, подробному анализу которого посвящена одна из глав во второй части книги (с. 182–199). Политическому руководству страны, надеявшемуся таким образом добиться быстрого прироста материальных ресурсов, необходимых для индустриализации, эта идея пришлась по вкусу (с. 46). По мнению авторов, перестройка сельского хозяйства в соответствии с данной моделью и была одной из основных целей коллективизации. Однако надеждам политической элиты СССР не суждено было сбыться. Крестьяне, бóльшая часть которых скептически воспринимала

7. *Есиков С. А.* (2010). Российская деревня в годы нэпа. К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М. С. 217–227.

идею создания колхоза даже в одной деревне, оказали отчаянное сопротивление осуществлению мероприятий власти. В результате «революция сверху» привела к резкому сокращению экономических показателей сельскохозяйственного производства и кризису в аграрной сфере, что заставило руководителей страны отказаться от осуществления задуманных планов. Возникшая в результате колхозно-совхозная модель аграрного строя, по мнению авторов книги, радикально отличалась от предполагаемой изначально (с. 49). При этом И. В. Сталин, со временем осознавший мобилизационные возможности колхозного строя, провала программы реконструкции сельского хозяйства так и не признал (с. 54), заявив, что все так изначально и задумывалось[8]. Таким образом, в книге сибирских историков представлена новая по отношению к утвердившейся в 1990-е годы в отечественной науке даниловской трактовке «революции сверху»[9] концепция коллективизации.

Не менее интересен раздел книги, посвященный разработке курса аграрных реформ в десятилетие после смерти Сталина. Авторы избежали очевидного соблазна свести свое повествование к изложению ряда резонансных инициатив Н. С. Хрущева, получивших всеобщую известность. Напротив, данная часть монографии представляет собой глубокий и тонкий анализ проблемы ревизии советской политической элитой сталинского наследия. Сложность работы исследователей заключалась в том, что, в отличие от политических аспектов функционирования режима, частично осужденных на XX съезде КПСС, старт дискуссии о пересмотре сложившейся к тому времени системы аграрных отношений так и не был дан. Коллективизация, как и прежде, оценивалась в официальной литературе как важнейший шаг на пути построения социализма в СССР. Поэтому авторам пришлось буквально реконструировать ход обсуждения и основные позиции представителей руководства партии по аграрному вопросу. Для того чтобы выяснить потенциальные возможности трансформации аграрного строя, исследователи с успехом использовали методы исторической компаративистики. В частности, в качестве таких возможностей они рассматривают китайский (отказ от колхозной модели и переход к семейному производству) и северокорейский (сохранение системы принудительного труда) пути развития сельского хозяйства. Однако реформатора, подобного Дэн

8. В частности, эта мысль особенно ясно прозвучала в его отчетном докладе «Итоги первой пятилетки» на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе 1933 г. См.: *Сталин И. В.* (1953). Сочинения. Т. 13. М. С. 188–196.
9. Наиболее концентрированно концепция коллективизации В. П. Данилова изложена им в статье «Коллективизация сельского хозяйства в СССР» (История СССР. 1990. № 5. С. 7–41). Эта работа, наряду с другими трудами известного историка-аграрника, оказала самое существенное влияние на дальнейший вектор исследования темы, ее внутреннюю рубрикацию и базовые оценки. Фактически она стала идейной основой существующей по сей день в отечественной науке парадигмы изучения коллективизации.

Сяопину, в Советском Союзе не нашлось (по мнению авторов, возможно, им мог бы стать Л. П. Берия, хотя сами они отмечают, что прямых документальных подтверждений этому нет), а представители консервативного крыла советской партийной элиты (Г. М. Маленков, Л. М. Каганович, В. М. Молотов) потерпели поражение в борьбе за власть (с. 59–61). Победивший в ней Н. С. Хрущев пошел своим путем. Его воззрения на проблему аграрного развития сформировались на рубеже 1920–1930-х годов, в силу чего Хрущев являлся сторонником идей коллективизации в ее изначальном виде (т. е. как аграрно-промышленной интеграции). В отличие от Сталина, сложившуюся после «великого перелома» систему отношений в аграрном секторе экономики, он считал временным отступлением и, оказавшись у власти, попытался вернуться к первоначальному курсу (с. 66–68). Именно этой цели служили системообразующие, согласно авторам книги, направления хрущевской аграрной политики: 1) упразднение МТС; 2) укрупнение колхозов и преобразование части коллективных хозяйств в совхозы; 3) борьба с личным подсобным хозяйством колхозников. Итогом этих реформ стало формирование новой модели аграрного строя, которую авторы называют совхозно-колхозной (с. 73).

Осуществленная Хрущевым программа аграрных реформ тем не менее так и не смогла решить проблем советского сельского хозяйства. Временное повышение его экономических показателей сменилось стагнацией, что вкупе с ростом потребительских запросов населения создавало угрозу продовольственного кризиса и стало одной из причин отстранения реформатора от власти (с. 75–77). Его политические наследники отказались от идеи глобальной реформы аграрного строя. Проводимые ими преобразования носили лишь косметический характер (с. 84–85). Основная ставка делалась на наращивание капиталовложений в сельское хозяйство, привнесение технических инноваций в производственный процесс, на улучшение условий жизни сельских жителей. Однако существенного роста производительности труда в советском сельском хозяйстве так и не произошло. Причина не только в том, что колхозы и совхозы продолжали существовать в рамках плановой экономики, но и в том, что сами жители села, с успехом осваивая новые блага жизни, не спешили улучшать качество своих трудовых усилий. В этом вопросе наблюдения авторов рецензируемой книги близки (хотя и не идентичны) тезису известной американской исследовательницы Ш. Фицпатрик о том, что советские крестьяне смогли в итоге адаптировать к своим нуждам колхозную систему[10]. Неудача аграрной реформы 1990-х годов, направленной на фермеризацию сельского хозяйства, также связана с тем, что бóльшая часть колхозников отнюдь не стремилась покидать колхозы, предпочтя иж-

10. *Фицпатрик Ш.* (2001). Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России: деревня. М. С. 350–358.

дивенческую стратегию рискам, связанным с самостоятельным ведением хозяйства (с. 96).

Вторая часть монографии посвящена исследованию непосредственно сибирских материалов. В нее вошли очерки, детально рассматривающие основные вехи разработки программ аграрной колонизации и переселенческого движения, планы хозяйственного развития региона второй половины 1920-х — начала 1930-х годов (Перспективный план развития сельского хозяйства Сибири 1926 г., Генеральный план развития народного хозяйства Сибирского края 1930 г.), государственные программы освоения целинных земель и ликвидации неперспективных деревень, различного рода попытки интенсификации сельскохозяйственного производства в поздний советский период. Эти материалы имеют отнюдь не вспомогательное значение. Они не только иллюстрируют важнейшие положения первой части книги, но и служат авторам для решения самостоятельных научных проблем, таких как выявление особенностей аграрного развития Сибири и вопрос о взаимодействии центральных и региональных элит при определении путей реформирования сельского хозяйства.

Очевидно, что одной из главных особенностей протекания аграрных процессов в Сибири в XX веке было наличие мощного переселенческого движения из центральных регионов страны, за счет чего не только значительно увеличилось население региона и были введены в хозяйственный оборот ранее малоиспользуемые и неосвоенные территории, но и произошли существенные изменения в соотношении отраслей сельского хозяйства (увеличение доли зернового земледелия), в социальных отношениях (размывание позиций общины, более высокий уровень социальных противоречий), в развитии этнокультурных процессов (исчезновение субэтнической специфики русского населения края и превращение его в чисто географическую группу этноса) (с. 115–119). Нет ничего удивительного в том, что переселенческое движение являлось фокусом преломления интересов центральных и региональных элит. Если представители государства видели в нем главным образом способ решения проблем исторического центра (зерновая проблема, аграрное перенаселение), то руководители региона и местные ученые-аграрники настаивали на более эффективном и в то же время экологически и культурно бережном использовании ресурсов Сибири. Это противоречие находило различные решения. Так, П. А. Столыпин после своей поездки в Сибирь в 1910 году существенно скорректировал планы хозяйственного освоения региона (с. 108–111); в 1930-е годы местные сторонники травополья и опоры на крестьянское хозяйство были подвергнуты жесткой критике и репрессиям (с. 149–150), а Н. С. Хрущев снял с занимаемых должностей руководителей компартии Казахстана, скептически относившихся к его целинному проекту (с. 222). Таким образом, думаем, что рецензируемая книга будет полезна и интересна не только историкам-аграрникам, но и специалистам по региональной политике.

Конечно, можно было бы поспорить с авторами книги насчет познавательных достоинств теории модернизации, избранной ими в качестве концептуальной рамки исследования. По нашему мнению, этот подход методологически контрпродуктивен, поскольку когда историческая статика сводится всего к двум состояниям (традиционное и современное общество), это позволяет трактовать любые социальные изменения как модернизацию. Иными словами, теория настолько универсальна, что совершенно бесполезна в качестве научного инструментария[11]. Вместе с тем в повальном начиная с 2000-х годов обращении представителей российского исторического сообщества к теории модернизации можно увидеть долю закономерности. Дело в том, что она позволяла в некоторой степени объективировать субъектный объяснительный механизм исследования исторических процессов, заложенный историографической революцией 1990-х годов, частично преодолеть трактовку исторических изменений как программируемого процесса. Показательна в плане сочетания субъектных и объектных факторов уже упомянутая книга А. Н. Медушевского. В ней исследователь с блеском показывает социальную природу конфликта, лежащего в основе аграрного вопроса, однако не считает его неизбежным, видит причины реформ в объективных противоречиях, возникающих в процессе перехода от традиционного к индустриальному обществу, но при этом в лучших традициях либерализма ищет идеальный рецепт их преодоления в ходе аграрного реформирования[12]. В. А. Ильиных считает главной причиной неудачи всех аграрных реформ в России XX столетия противодействие им со стороны населения деревни, однако творцом всех описываемых модификаций аграрного строя называет государство (с. 273–284). Тем не менее в его анализе выявление генетической связи между отдельными этапами в осуществлении преобразований преобладает над интенцией их сравнительного изучения, задача исследования аграрной эволюции превалирует над прагматической составляющей выявле-

11. Известный американский антрополог К. Гирц, критикуя в «Интерпретации культур» онтологические подходы к изучению культуры, в качестве контраргумента им приводил простейшую ситуацию. Один человек моргнул, другой подмигнул, третий репетировал подмигивание, а четвертый его пародировал. Все четверо совершили одну и ту же реакцию, но каждый из них вкладывал в нее различный смысл. Задача антропологии как науки, по мнению Гирца, состоит не в том, чтобы задаваться поиском онтологической сущности явления (ибо она одинакова), а в том, чтобы реконструировать конкретную его интерпретацию. (*Гирц К.* (2004). Интерпретация культур. М.) Этот принцип актуален и для исторической науки. Профессиональная деятельность историков, на наш взгляд, предполагает отнюдь не констатацию исторического движения как такового (что само по себе является неписаной аксиомой истории как науки), а выявление и характеристику его конкретных процессов и тенденций.
12. *Медушевский А. Н.* Указ. соч. С. 582–583.

ния оптимального механизма реформ. Этими особенностями книга сибирских историков существенно отличается от большинства прежних попыток создания обобщающих трудов по истории аграрного вопроса в России XX столетия.

В заключение хотелось бы отметить присущий рецензируемой монографии специфический научный стиль. Строгая иерархия понятий, унифицированность названий глав, равномерность распределения материала (без явного акцента на изучении того или иного периода), умелая работа авторов с оттенками и полутонами — все это говорит о том, что книга написана людьми, которые хорошо знают и любят свое дело.

A century of agrarian reforms[13]

Projects of Agrarian System for Siberia in the XX Century: Ways and Methods of Modernization. Novosibirsk, 2015. — 298 p. ISBN: 978-5-94301-573-1

Nikolay Kedrov, PhD (History), Research Fellow, Vologda State University. Russia, 160000, Vologda, Lenina st., 15. E-mail: nk149@yandex.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-2-142-152

13. The project was supported by the Russian Foundation for Humanities. The project No. 15–31–01250 "Evolution of the Russian Historiography of the Peasant Collectivization".